

Снова и снова

[Соломон ВОЛОЖИН](#)

Каждый про себя знает, что, если что забыл и хочешь вспомнить, надо думать о чём-то около, и – вспомнится забытое. Представляется, что что-то подобное происходит с писателем, когда он хочет выразить свой подсознательный идеал. (Я, в своём эстетическом экстремизме,

это называю актом создания художественности.) Так у меня осложнение. Почему, удачно выразив свой подсознательный идеал, писатель через короткое время пишет ещё одно художественное произведение. То есть опять выражает свой подсознательный идеал. Писатель что: так и не осознал его, пока писал первое произведение? Тот его по-прежнему будоражит, вдохновляет и заставляет писать следующее? Или писатель просто запомнил сомнамбулическое состояние, в котором он был при написании первого, и удачно имитирует его или удачно, артистически вживается в него? Театральные артисты ж не гнушаются играть одну и ту же роль спектакль за спектаклем. Может, и писатель так? А мы – лопухи. Думаем, что он искренен.

Если думаем в такую сторону. Большинство, уверен, не думает. А просто получает удовольствие от ЧЕГО-ТО, словами невыразимого. И всё.

Ну а я? Кем являюсь я, который раз за разом берётся, словно наново, открывать художественный смысл очередного, рядом по времени создания отстоящего, произведения? Когда почти наверняка известно, что результат будет прежним...

Это ж, как потенциальная бесконечность (всегда можно сделать ещё один шаг) – скучно!

Или иначе: зачем читателю читать такую статью? Потому что мне, критику, так интересен процесс перевода словами невыразимого в словами выраженное. Пусть я и огрубляю художественный смысл. (Я себя оправдываю тем, что художественный смысл подлежит бесконечному приближению к себе в очередных попытках на него намекнуть.) Хорошо, я люблю процесс такой мыслительной деятельности – я ею занимаюсь. Но не заблуждаюсь ли я относительно читателя, что ему интересно следить за этим? Или я просто бездумно надеюсь на такого же любителя такой вот

мыслительной деятельности, и всё? Или не бездумно, а придумал, что количество переходит в качество, и, читая о примерах чужакия ЧЕГО-ТО, словами невыразимого, и о примерах перевода этого в слова о подсознательном идеале, читатель, до того не умевший так делать самостоятельно, научится...

Так или иначе, а я принимаюсь за четвертую повесть «Вечеров на хуторе близ Диканьки» – за «Потерянную грамоту».

Что там? – Исключительный герой в исключительных обстоятельствах. – Полная свобода и победительность. Но...

Если б у меня была хорошая эмоциональная память, я б иначе помнил... А так – смутно. Но какая сладость – как нам, малышам лет шести-семи, в поздний украинский вечер, освещенный только месяцем с неба (это было сразу после войны, а может, и до её окончания, и даже в домах тогда горели керосиновые лампы, и где уж было быть освещению во дворе), – так вот сладко помнится, как чуть старше нас мальчик рассказывал нам про чёрную-чёрную комнату, и волны ужаса прокатывались по телу. И вообще сердце падало в пятки, когда он громко выкрикивал заключительное: «лежал мертвец».

Но каково сознавать, что ты отстал, что ли, в развитии, и тебе, взрослому, хочется страшилок...

«Рассказать-то, конечно, не жаль, да загляните-ка, что делается с ними в постеле. Ведь я знаю, что каждая дрожит под одеялом, как будто бьет ее лихорадка, и рада бы с головою влезть в тулуп свой. Царапни горшком крыса, сама как-нибудь задень ногою кочергу – и Боже упаси! и душа в пятках. А на другой день ничего не бывало, навязывается сызнова: расскажи ей страшную сказку, да и только».

Тебе, Гоголю, всё ещё мнится, что почти ты сам исключительный герой в исключительных обстоятельствах. А они были совсем недавно – потерпевшие поражения дворянские посленаполеоновские революции чуть не по всей Европе. И надо бы уgomониться. Ан нет. Тянет.

Так осмеять увлекающихся!

Пусть это будут какие-то чуть не дикие люди без тормозов:

«...и поднял такую за собою пыль, как будто бы пятнадцать хлопцев задумали посередеи улицы играть в кашу».

Это отъезд гонца, дедушки рассказчика, от гетмана к царице, Екатерине Второй. Времена, казалось бы, уже цивилизованные, лет 30-40 тому назад от 1829-го года.

«На ту пору была там [по пути, в Конотопе] ярмарка: народу высыпало по улицам столько, что в глазах рябело. Но так как было рано, то все еще дремало, протянувшись на земле. Возле коровы лежал гуляка парубок с покрасневшим, как снегирь, носом; подале храпела, сидя, перекупка, с кремнями, синькою, дробью и бубликами; под телегою лежал цыган; на возу с рыбой — чумаки...».

Ужас.

Но именно так можно, насмешкой, выгнать из самого себя романтизм.

Сделать гонца безответственным до невероятия.

«Слово за слово, долго ли до знакомства? Пошли калякать, калякать так, что дед совсем уже было позабыл про путь свой. Попойка завелась, как на свадьбе перед Постом Великим».

Подозрительное знакомство вышло боком. Знакомый гонца обобрал: украл коня и шапку. (А в шапке – грамота царице зашита.) Продал их (можно вывести из слов корчмаря) цыганам, что за лесом живут. Пришлось туда отправляться и выдирать правдами и неправдами. Шапку отдали. В общем (если понимать реалистически), пришлось возвращаться домой в Батулин, и оттуда отправляться наново, уже без залётов. А дома жена, наверно, устроила скандал и повторяла его в каждую годовщину. И вокруг этого немного нагромождено невероятиц и страшилок в три короба.

Осмеял. Понимай, самого себя, неискоренённого романтика (страшный лес, ведьмы, черти – вместо цыган, собственный невероятный героизм и находчивость). Но всё больше косвенно осмеял. Хотя затесалось и прямое (с голосом автора-Гоголя):

«Уже, добродейство, будьте ласковы: как бы так, чтобы, примерно сказать, того... (дед живал в свете немало, знал уже, как подпускать туры, и при

случае, пожалуй, и пред царем не ударил бы лицом в грязь), чтобы, примерно сказать, и себя не забыть, да и вас не обидеть, — люлька-то у меня есть, да того, чем бы зажечь ее, черт-ма [не имеется]».

В таком, осмеиваемом, контексте, как завелось у Гоголя (романтизм и национальное самосознание – родные проявления), его персонажи плохими словами говорят о москалях:

«...на самой дороге раскинул ноги бородач москаль с поясами и рукавицами... ну, всякого сброду, как водится по ярмаркам».

«...когда черт да москаль украдут что-нибудь, то поминай как и звали».

Нет надобности это и развенчивать, раз всё тут – насмешка. Ну и раз всё (кроме выше процитированных слов с голосом автора), – раз всё – слова какого-то Фомы Гигорьевича, которого – от имени, мол, деда – заносит в выдумку немилосердно.

Подзаголовок повести: «Быль, рассказанная дьячком ***ской церкви».

И тогда можно подумать, что Гоголь (молодой, мол, всё же) и над религией посмеялся: дед, мол, обыграл ведьм в карты, перекрестив их под столом, жена его, мол, в годовщины неудачного возвращения его домой без коня и без денег, непроизвольно танцует, ибо избу, мол, не освятили после происшествия.

Можно подумать, что в самой потуге мировоззренческого отрезвления от идеализма, Гоголь не щадил ничего: ни религию, ни народ, ни царское достоинство, казалось бы:

«...глядь – сидит сама [царица], в золотой короне, в серой новехонькой свитке, в красных сапогах, и золотые галушки ест».

Но, когда он был сторонником республики, мыслимо, что он карикатурой представлял царя. Так раз захотел над таким собою-карикатуристом посмеяться, то пусть дьячок словами деда выведет карикатуру царицы. А мы – посмеёмся над... Фомой Григорьевичем. То есть трезвеющий Гоголь против царской власти уже ничего не имел. Как и прощённый Николаем Первым Пушкин, давно к тому времени ставший реалистом. И империя, включающая в свой состав Малороссию, протрезвевшему Гоголю годилась. А несуразный народ, наоборот, не годится – в смехе сквозь невидимые слёзы. Но не религия. Дьячок, церковнослужитель, введён не в насмешнический текст повести, а в подзаголовок. То есть, если мы смеёмся, а рядом – религиозное мировоззрение дьячка (с, например, совершенно неуместными танцами по годовщинам позора), то мы смеёмся больше, чем над дьячком. А над самим его утрированным мировоззрением.

Какое, не исключено, было смолоду и у впечатлительного Гоголя. Пока ему надо было трезветь, он и на религию посягнул. – Искренний человек. Собственно, в будущем, когда он сжёг вторую часть «Мёртвых душ», в нём художник тоже победил верующего.

Признаюсь, мне непросто далось написать эту статью. Я ведь сперва написал преамбулу. Потом прочёл повесть (впервые в жизни). А потом, заметив только привычные выпады против москалей и не зная, как их объяснить и что же писать дальше, я не опечалился и подумал: ну подумаешь, не напишется статья – и не надо; никто ж не узнает. И лишь наткнувшись на одном сайте на слова: «изображение исключительного героя, действующего в исключительных обстоятельствах», – дело пошло. Так фокус в том, что всегда что-то случается, от чего дело начинает идти. В этом и состоит одно из удовольствий. Это как решить трудную задачу. Не подогнать под ответ: расставание с романтизмом (за подгонку в школе двойку ставили). А показать промежуточные ходы мыслечувств.

[Соломон ВОЛОЖИН](#) - 19 октября 2018

<http://webkamerton.ru//2018/10/snova-i-snova>